

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 14

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-3-8-16

Калмыков А.А.

Российская таможенная академия (Владивостокский филиал)

ДИНАМИКА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ И ПОЗНАНИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика изменений и образований новых понятий в содержании понятийного аппарата современного социогуманитарного знания и познания, происходившая на протяжении всего XX столетия и продолжающаяся в последние десятилетия, в том числе и в первые десятилетия XXI столетия. Формулируется вывод о том, что понятийный аппарат социальных и гуманитарных наук претерпевал и претерпевает в указанную эпоху принципиальные изменения, когда в эпистемический оборот вводится такая познавательная терминология, которая принципиально меняет видение особенностей социального и гуманитарного познания и которая в эпоху науки нового и новейшего времени (XVII–XIX столетий) характеризовалась как вненаучная и квазинаучная.

Ключевые слова: контекстуальное определение, методология социально-гуманитарных исследований, «история понятий», социально-онтологические понятия, духовно-онтологические понятия, гносеологические понятия, методологические понятия, концепт, метафора.

A. Kalmykov

Russian Customs Academy (Vladivostok Branch)

THE DYNAMICS OF CONCEPTUAL SYSTEM IN MODERN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND COGNITION

Abstract. The paper describes the dynamics of changes and formation of new concepts in the content of the conceptual system related to the humanities and social knowledge and cognition, which took place through the 20th century and still continues in the last decades and first decade of the 21st century. The author makes a conclusion that the conceptual system of humani-

ties and social sciences has been undergoing principal changes over the mentioned periods. New cognitive terminology is introduced, which fundamentally changes humanitarian and social knowledge, though it was considered as non- and pseudoscientific in the Early Modern Period. *Key words*: context-based definition, methodology of social and humanitarian research, “history of concepts”, sociology and ontology-based concepts, spiritual and ontological concepts, epistemic concepts, methodological concepts, concept, metaphor.

Категориальный аппарат современной эпистемологии и философии науки постоянно обновляется и обогащается. Поэтому без пристального и постоянного изучения понятийного арсенала, а также специфических способов его образования в современных когнитивных науках, представляющих собой, в определённом смысле, метауровень таких давно сформировавшихся гуманитарных наук, как, к примеру, психология, лингвистика, культурология и др., невозможно представить себе процесс преемственного развития и производства нового социогуманитарного знания, особенно с точки зрения прорывного значения последнего. Изменения в научном мышлении социальных и гуманитарных наук всегда увязывается с обогащением его содержательной стороны, формированием новых понятийных конструктов и новых категориальных смыслов для исследования и освоения объектов социогуманитарного познания. Новый пополняющийся понятийно-категориальный аппарат, воспроизводящий познающее мышление, обеспечивает не только возможности концептуализации новых областей познания, но и собственный горизонт развития и совершенства в построении познаваемых социогуманитарных объектов. Понятийно-категориальный способ освоения и очерчивания явлений и процессов человеческого мира – это надёжный теоретический способ

раскрытия познаваемых объектов в социогуманитарном мышлении, особенно контекстуальным образом. А способы контекстуальных определений здесь, по-видимому, неизбежны и наиболее плодотворны ещё и потому, что в гуманитарных науках особенно велик объём предлагаемых взглядов и концепций относительно каждого предмета и объекта и присутствует значительное расхождение между системой понятий и системой соответствующих им смыслов.

Специфика введения нового понятия в гуманитарном знании характеризуется часто тем, что ему не может быть дано строгого определения; смысл его наращивается постепенно, с изложением концепции, развёртыванием системы рассуждения, т.е. используется то, что называют «контекстуальным определением». Примерами этому могут служить введённые М.М. Бахтиным понятия «текст», «хронотоп» [5, с. 473–481], новое осмысление термина «поэтика» в работах Д.С. Лихачёва, С.С. Аверинцева [1, с. 7–19].

Современное динамичное социогуманитарное знание характеризуется таким же динамичным обновлением, расширением, углублением, переосмыслением и изменением как отдельных понятий и категорий, так и тех или иных сторон понятийного строя различных социогуманитарных наук. Данная тенденция привела даже к возникновению исследовательского на-

правления под названием «история понятий» с середины 60-х гг. прошлого века. Эта новая складывающаяся методология, появившаяся вначале в области исторической науки, позволяет изучать многообразную человеческую социогуманитарную материальную и духовную реальность через изучение различных сторон изменения понятий и понятийного строя человеческого языка (в частности, их содержания) во времени и коммуникациях. Один из гносеологических подходов этого направления представляет собой семантически-понятийное воспроизводство событий социальной реальности, реконструкцию диахронных и синхронных изменений смыслов основных, к примеру, социально-политических понятий. Такая методология социально-исторических исследований позволяет воспроизводить картину социально-исторической реальности на основе изучения процесса образования понятий [7, с. 23]. Если брать в целом историю понятий как синхронную и диахронную историю значений, то очевидно, что она тесно привязана к истории образования, употребления и изменения самих понятий. История понятий – это специфическое исследовательское средство или метод критики источников, она не аналогична как метод социально-историческому анализу, поскольку включает и лингвистический, и социологический анализ. Это своеобразная историография истории понятий, не превращающаяся в новые «философские проекты тотальной истории», но и не сводящаяся к семантическим и лингвистическим теоретическим предпосылкам. Эта история понятий, по-видимому, в полной мере следует принципу историцизма

и одновременно не принимает так называемый историцизм как самодовлеющий релятивизм.

Современной философии социогуманитарного познания необходимо обогащение её понятийного аппарата в связи с расширением и обновлением взглядов на рациональность и включением в исследовательские тексты, наряду с кантовским трансцендентальным субъектом, эмпирического субъекта познания. При этом не существует обязательной необходимости конструировать новые понятия, речь идёт скорее о признании правомерности использования многих уже известных терминов в таких параллельных в философии областях, как герменевтика, феноменология, философская антропология, учения о культуре и языке. Всё шире в эпистемологию входят понятия текста, смысла, значения, понимания и интерпретации («предпонимания» (Хайдеггер), «пред-рассудка» (Гадамер), связанных с феноменом понимания), а также интенциональности, интерсубъективности и коммуникации, жизненного мира и жизни в её небιологическом значении.

Особенности развития и содержания социально-гуманитарной эпистемологии прослеживаются в полной мере при рассмотрении различных практик дефиниций и образования понятий вообще, абстрактных в особенности. У них особая «судьба»: в том случае, если они не имеют непосредственно наблюдаемого референта, они не могут образоваться с помощью индукции от вида к роду. В дальнейшем это влияет и на способ их существования в культуре – они могут переосмысливаться, переоцениваться, т.е.

получать новые значения и роли в познании и обществе.

В познании социальной и духовной реальности важно различать специфически гносеологические и методологические понятия и так называемые социально-онтологические и духовно-онтологические понятия. Последние в словесно-концентрированной (понятийной) форме создают образ названной реальности, а первые, имея своё реальное основание в действительности, непосредственно выражают сам процесс познания этой реальности.

Социально-онтологические и духовно-онтологические понятия могут носить двоякий характер: они могут использоваться как для отображения социального и субъективного мира, так и для выражения процесса познания этого мира человеком (т.е. они имеют гносеологическую сторону). Гносеологические и методологические понятия же относятся к самому процессу познания и не имеют реального смысла вне субъекта, т.е. носят специфически познавательный характер.

Но существует в современной философии и другая точка зрения относительно эпистемологических возможностей понятий в сфере социогуманитарного знания и познания. Выдающийся германский философ и культуролог XX в. Теодор Адорно не считал понятие формой социогуманитарного знания и средством гуманитарного познания, крайне критично относился к понятийному мышлению в этой сфере познания и, в сущности, отвергал использование категориального аппарата в социогуманитарных науках. Сам он подчёркивал особый потенциал используемых в социогуманитарном познании худо-

жественных методов и, возможно, преувеличивал их познавательные перспективы. Здесь Адорно шёл вслед за Ницше и Шопенгауэром в трактовке соотношения «научное знание – искусство», где подчёркивал, что прежде всего именно искусство постигает само сущее, потому что именно оно схватывает жизнь в её противоречиях, а не те или иные научные дисциплины разнородного характера, которые самым противоположным образом толкуют одно и то же явление жизненного мира [2, С. 183–192, с. 202–204]. В качестве примера можно проанализировать феномен паранаучного знания как одного из видов человеческих духовно-познавательных вненаучных практик, обладающих специфической логикой и понятийным языком. А если характеризовать языковые средства, специфичные для паранаучного знания, мы увидим наличие особых способов применения и использования понятий, отличных и от научной терминологии, и от языковой практики повседневности [13, с. 354.] Знаковой спецификой понятийно-языкового аппарата паранауки видится, прежде всего, принципиальная многозначность, отличающаяся при этом от нечёткости повседневных понятий. Если для языка повседневности более характерна «плавная» трансформация смысловой нагруженности – постоянная смена процессов расширения и сужения смены понятий, а также их ценностно-эмоциональной нагруженности, приводящая к формированию практически непрерывных рядов смыслов, – то паранаучному знанию присуща скорее тенденция к соединению в понятии нескольких определённых и достаточно чётко разграниченных

смыслов. Стандартным вариантом такого построения является совмещение в используемых концептах условно-символического и прямого смыслового плана с неограниченной возможностью переключения из одного в другой. Примером может служить следующее рассуждение: «Семь вместе – это круг рассудка человека – такая железная вселенская формула мышления «...» Этой формулой владеют все высоко-развитые биосущества» [12, с. 22.] Указанная особенность терминологии во многом является следствием способа её продуцирования, включающего вариант интеграции в терминологический аппарат концепции понятий из научного, религиозного и обыденного словоупотребления с их перераспределением и приданием радикально нового смысла; например: *энергия* – *гравитационная сила мыслительного процесса*, *абдукция* – *похищение людей на борту НЛО*. Таким способом достигается установление соотношения с максимально широким кругом концепций, предельно расширяющее ассоциативность. В социальной эпистемологии рассматривается подобный процесс проникновения понятий из одной когнитивной системы в другую. И.Т. Касавин, исследующий данные гносеологические тенденции, понимает их как метафорическую трансляцию, когда «специальные знания почти полностью пронизывают массив повседневного знания», и научные термины распространяются в обыденном языке в виде метафор, чтобы быть понятными [8, с. 41–42.] Особенность трансляции терминологии из одной познавательной системы в другую заключается в том, что понятия приобретают не общую неопределённость, а своео-

бразную мультикомплексность. Здесь термины не связаны жёстко с процессом построения последовательного объяснения определённой предметной области и не связаны соответствующей логической последовательностью; они образуют именно новую систему изложения, на которую необходимо либо целиком переключиться, либо не принять её. Особенностью этой системы является способность воспринимать понятия из многообразных специализированных концептуальных систем, обрабатывая их по своим правилам.

В последние три десятилетия в отечественной и мировой логике и методологии гуманитарного знания, к примеру, в исследованиях по истории философии, в культурологии интенсивно возрождается интерес к термину «**концепт**» и его применению в познании, исследуется его содержание и функции в знании, языке и культуре [16, р. 309–345]. Л.А. Микешина особенно подчёркивает то обстоятельство, что для философии социогуманитарного познания этот термин становится необходимым, особенно там, где последнее делает предмет своего исследования также личностное неявное знание, веру, до- и вненаучное, художественное знание – знание вообще, как рассказ, где термин «концепт» более уместен [10, с. 433]. Подчёркивается, что концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта путём подведения его под определённые категории и классы, основная единица хранения и передачи информации, достаточно гибкая и изменяющаяся с ростом знания. В качестве актуального примера обратимся к понятийным гносеологи-

ческим конструктам М.М. Бахтина, в своё время им разрабатывавшимся, но тогда мало оценённым в отечественной гносеологии, а сегодня переживающим второе рождение. Размышляя над гносеологическими проблемами гуманитарного знания в процессе критики традиционных абстракций субъекта, объекта, истины в «мире теоретизма», Бахтин вводил новые понятия на принципиально иной основе, где фундаментально учитываются «участность» (не алиби), «ответственность» и «по поступок» как онтологические начала субъекта, истины и познания в целом. Вместо теоретизированных абстрактных объектов в гуманитарном познании он вводит, по сути, концептуализированные понятия-образы – «единая и единственная событийность бытия», «историческая действительность бытия», «единственный мир жизни», «по поступок», «участное сознание» и другие, замещавшие традиционное понятие «субъект» как автономно-абстрактно-теоретизированное и самоизолированное, внеиндивидуальное, и включавшие в себя и этот «мир теоретизма». По сути, это и одновременно образные метафоры-термины, и одновременно гносеологические концепты [1, с. 7–19]. О.В. Евтушенко делает вывод, что термин «концепт» в русском языке является синтетическим и включает в себя и категорию, и прототип [6, с. 45–46], т.е. определённую идею в виде прототипа, тогда как в категории соединяются разнородные объекты на основании определённого сходства. Такими же модными сегодня и общеупотребительными становятся понятия «конструкт» и «конструктивизм». Под *конструктом* понимаются категории и способы категоризации и

т.п. В общем смысле **конструкты** – это способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создаёт для предсказания событий и через которые он воспринимает мир [15].

Очевидно, что понятия концепта и конструкта содержательно сливаются воедино, хотя терминологически (понятийно) имеют частично-условное расхождение. По сути, подобные трактовки концептов и конструктов близки трактовкам понятий Г.Г. Шпета (*понятие* – живой орган) и Х. Ортеги-и-Гассета (*понятие* – орган «схватывания» вещей или аппарат для овладения вещами).

Итак, очевидно, что вместо однозначно формулированных, полученных с помощью логического вывода строгих понятий в гуманитарном знании и познании, как и в языке повседневности, преобладают категории, концепты, конструкты, гештальты, метафоры и другие когнитивные и образные словесные образования и формы, сохраняющие в себе и между собой в той или иной степени различия и особенности, несовпадения свойств и признаков, их изменчивость в своём историческом динамическом лингвистическом существовании.

Роль метафоры в социогуманитарном познании

Значение и понимание метафоры существенно эволюционировало в истории таких гуманитарных наук, как лингвистика, философия и логика. Оценка метафоры также не оставалась неизменной – от полного отрицания роли и значения её в познании до вполне допустимого во многих оценках её как познавательного средства

в социогуманитарных исследованиях. Так, Ортега-и-Гассет считал метафору формой научной мысли [11, с. 68.]. Для других метафора – это либо семантическая аномалия, либо форма категориальной ошибки [14, с. 185]. Метафоры, имеющие эпистемологический характер – это, прежде всего, способы постижения исследуемого объекта или предмета в терминах другого объекта или предмета. Следовательно, функция метафоры заключается в достижении понимания изучаемого. Ф.Р. Анкерсмит подчёркивает, что метафора осуществляет организацию исторического знания [3, с. 375]. Но этот вывод справедлив и для всего гуманитарного знания. Ведь метафора формирует такую познавательную ситуацию, которая располагается одновременно и вне языка, и вне реальности, для того, чтобы сформулировать идею о том, каким образом в рассматриваемой познавательной метафоре язык и реальность соединяются вместе. В метафоре могут познаваться одни стороны и свойства исследуемого феномена, и одновременно остаться нераскрытыми другие. Метафоры в гуманитарном знании являются нередко составными компонентами познавательных концептов, поэтому из метафор могут вырастать новые познавательные концепты и специфические аспекты последних. Метафоры познавательного характера могут санкционировать те или иные познавательные приёмы и операции и помогать формулировать определённые познавательные цели и задачи. Метафора раскрывает в познаваемом феномене смысл или определённые смыслы, которые могут быть частично связаны с нашим предшествующим познавательным опытом.

К тому же смысл метафоры может меняться, иногда – радикально, в рамках разных исследовательских подходов. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают, что новые метафоры обладают способностью творить новую реальность [9, с. 175.] Это происходит в познавательном процессе и потому, что мы начинаем постигать открываемые нами факты познания, или предыдущие знания, анализируемые нами, на языке метафоры. Поэтому, если новая метафора становится частью новой эпистемологической понятийной системы, которая является основой нашего исследования, то она меняет эту систему, а также порождаемые ею знания и научные факты. В такой роли метафоры могут выступать и как средство структурирования эпистемологической понятийной системы и видов познавательной практики. Новые метафоры могут обладать способностью определять познаваемую действительность [9, с. 185]. Осуществляется это посредством связной сети следствий, раскрывающих одни стороны реальности и скрывающих другие. «Принятие метафоры, заставляющей нас фиксировать внимание *только* на тех сторонах опыта, которые она высвечивает, приводит нас к суждению об *истинности* её следствий. Такие «истины», конечно, могут быть истинными только относительно той реальности, которая определяется этой метафорой» [9, с. 185]. Дж. Лакофф и М. Джонсон в итоге подчёркивают, что главная функция метафоры заключается в том, чтобы обеспечивать частичное понимание одного опыта на основе другого вида опыта. Это предполагает наличие уже существующих изолированных характеристик сходства, создания

новых черт сходства и т.д. [9, с. 184]. Примером такого понимания на основе, к примеру, эмпирического сходства может быть метафора «ЖИЗНЬ», понимаемая как азартная игра, когда поступки в жизни и рассматриваются как азартная игра, а возможные последствия поступков воспринимаются как выигрыш или проигрыш. Метафора тесно связана с воображением, когда сущность одного вида воспринимается в терминах сущности другого вида – то, что можно назвать метафорическим мышлением. Поэтому метафору можно определить ещё и как воображаемую рациональность. С этой точки зрения метафора – это один из самых важных способов хотя бы частичного понимания того, что не может быть понято полностью – это области чувств человека, эстетического опыта, нравственности и духовных озарений. Здесь есть и рациональность, раз есть и метафора как именно воображаемая рациональность. Сами познавательные метафоры носят различный характер, к примеру, можно привести деление метафор на литературные и концептуальные. Последние (концептуальные) прочерчивают наиболее вероятные способы образования и постижения новых абстрактных понятий. Исследовательский язык социогуманитарного познания буквально насыщен метафорами, и язык метафоры настолько всепроникающ, что сложно подобрать примеры выражения абстрактных понятий, которые бы не являлись метафорами: *события* – это объекты, *вещи* – это факты и т.п. Очевидно, что систематическое применение метафор в науке позволяет говорить о том, что метафора – это один из наиболее характерных способов

приспособления познающего языка к познаваемой реальности. В то же время метафорические способы познания дублируют, но не повторяют понятийные способы познания (и здесь мы полностью согласны с О.В. Евтушенко [6, с. 51]). Таким образом, в метафоре размываются различия, имеющиеся между интересующими исследователя объектами или предметами, и это позволяет, как подчёркивает Н.Д. Арутюнова, сравнивать несопоставимое [4, с. 170], формулировать новые смыслы, которые необязательно возникают в результате появления нового понятия. Эти смыслы могут рождаться как следствие использования нового термина для описания и фиксации, к примеру, изучаемой предметной области.

Этот краткий обзорный экскурс в представления о концепте, конструкте и метафоре показывает, что гносеолого-методологические феномены, именуемые «концептом», «метафорой» и «конструктом», имеют богатую предысторию и ныне становятся всё более значимыми в многообразных сферах социогуманитарного знания. Однако очевидно, что значения этих трёх терминов у разных исследователей достаточно серьёзно расходятся, а их познавательно-творческие возможности привлекаются недостаточно даже там, где в них есть в познавательном процессе острая необходимость, как, например, в теории культуры, филологии, герменевтике, феноменологии и философии познания.

Понятно, что проблема состоит не только в несовершенной терминологии, но и в вопросе выявления и фиксации определённых феноменов, которые невозможно очертить в форме строгой логики понятий. Их, скорее, лучше фор-

мулировать как определённые «смыслообразы», которые состоят из разных по составу элементов, смыслы которых должны специально исследоваться и формулироваться. Так поступал ещё Вильгельм Дильтей, когда характеризовал при помощи способов герменевтической интерпретации такой феномен, как «жизнь», не как логическое понятие, а как особого рода явление гуманитарного познания, которое сегодня можно обоснованно характеризовать и как «концепт», и как метафору.

Очерченные в данной статье изменения в строе понятий и других словесных форм социогуманитарного знания и познания не являются законченными. Наоборот, их динамика является актуально данным состоянием и отражает те процессы и изменения, которые коренным образом меняют состояния и формы существования современного человеческого мира, к которому нередко неприменимы традиционные понятийные и иные словесные формы и образы, сложившиеся в человеческой культуре и языке. Отсюда и проистекающая необходимость исследования и понимания этих языковых форм и образов для современного социогуманитарного познания, без чего невозможно знать и понимать наш современный невероятно противоречивый и запутанный человеческий мир.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: АСТ, 2014. 512 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 400 с.
4. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147–173.
5. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи (Сб.). М.: Художественная литература, 1986. 544 с.
6. Евтушенко О.В. Художественная речь как инструмент познания. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.
7. История понятий, история дискурса, история метафор / ред. Х.Э. Бёдекер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
8. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон +, 2008. 489 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: URSS, 2007. 254 с.
10. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон +, 2009. 560 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
12. По лабиринтам интеллекта. Научно-популярное и литературно-художественное приложение к журналу «Интеллектуальные игры». Челябинск, 1991. Вып. 1. 147 с.
13. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. / РАН, Ин-т философии; под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон +, 2010. 712 с.
14. Теория метафоры: сборник. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
15. Улановский А.М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология. М.: Канон +, 2010. 712 с.
16. Leplin J. The concept of an ad hoc hypothesis / J. Leplin // Studies in the history and philosophy of science. 1975. Vol. 5. № 4. P. 309–345.